

Освальд пощупал кожаный мешочек на своем поясе и обнаружил, что не взял запасной бумаги для писем. Он повернулся к Кевину и сказал:

— Отправь весточку в Палату лекарей, напиши...

На полуслове он вспомнил поразительные художественные таланты Кевина, проглотил продолжение фразы и просто протянул руку, чтобы снять мешочек с его пояса.

Кевин опешил и, скрестив руки на груди, недовольно буркнул:

— ...Тебе не кажется, что ты ведешь себя слишком бесцеремонно?

Освальд достал бумагу и перо и, даже не пытаясь найти какую-нибудь подставку, принялся размашисто писать прямо на весу. Не оборачиваясь, он насмешливо бросил:

— Хочешь, я напомню тебе о законах императорской власти? Согласно своду законов, всё, что есть на тебе, принадлежит мне, включая тебя самого. Я беру то, что хочу. У тебя есть возражения?

Кевин хмыкнул:

— Есть.

— Замолчи, — отрезал Освальд.

На лице Кевина отразилась сложная гамма чувств, а взгляд стал тоскливым.

Освальд редко видел у него эту кислую мину, словно тот собрался помирать. Он невольно скосил на него глаза и спросил:

— Что ты на меня уставился? Что это за выражение лица?

— Вырос мальчик, оперился, научился давить императорской властью, — притворно вздохнул Кевин.

У Освальда на лбу проступила вена.

— ...

В конце концов, потеряв терпение от выходок этого наглеца, он хлопнул пером и кожаным мешочком Кевину в грудь и, сжимая в руке свернутое послание, ушел не оборачиваясь.

Уборка поля боя была делом не то чтобы слишком хлопотным, но и простым его назвать было нельзя.

Рассыпанное повсюду оружие уже собрали воины Железной кавалерии Уцзинь. Его сложили в одном месте: в ряд выстроились около тридцати мечей, десятка полтора коротких армейских ножей и целые груды стрел.

Оружие Кевина и его людей было легко опознать — на нем красовалось клеймо в виде львиной головы Королевства Золотого Льва. Остальные железные мечи, судя по всему, принадлежали прежним чужакам. Однако ни простые, лишенные каких-либо украшений и знаков мечи, ни заурядное одеяние выстроившихся каменных статуй, в котором любой человек затерялся бы в толпе, не давали Кевину и остальным никакой зацепки относительно личности первых

пришельцев.

Кто же были эти незванные гости? Люди, подсланные Империей... Или посланники свободных городов-государств вроде Города Лейинь? Пытались ли они тоже справиться с каменной болезнью, вызванной нашествием насекомых? Или преследовали какие-то иные цели?

В головах у всех рождался один вопрос за другим, но ответов пока не находилось.

Собрав пригодное оружие, бойцы Железной кавалерии Уцзинь по приказу Освальда собрались свалить в кучу разбросанные повсюду трупы древоней и сжечь их от греха подальше.

Однако стоило им перетащить всего пару тел, как раздался удивленный возглас:

— А!

— Что случилось? — Освальд терпеть не мог подобной суеты. В этом плане Кевин идеально подходил ему по характеру, ведь душевное равновесие господина Фассбиндера явно нельзя было измерять мерками обычных людей.

Командир отряда Железной кавалерии Уцзинь указал на лежащее перед ним тело древоня и крикнул:

— Ваше Величество, труп этого чудовища сам рассыпается!

Освальд нахмурился:

— Что значит «рассыпается»?

Кевин, как раз закончивший осматривать пустые комнаты, услышал этот разговор и подошел вслед за Освальдом:

— Что тут у вас?

— Командир, — поприветствовал его командир отряда, отдавая салют.

Прямо перед его носками, свернувшись калачиком, лежал мертвый древоень. На первый взгляд с ним всё было в порядке.

— Ваше Величество, посмотрите на этого древоня. Видите что-нибудь необычное? — спросил командир отряда. По долгу службы он общался с Освальдом чаще остальных и не испытывал перед ним такого трепета.

Освальд опустил взгляд, скользнул по трупу глазами и брезгливо отвернулся:

— Он на редкость уродлив.

Командир отряда:

— ...

Молодой и красивый император, привыкший ежедневно видеть в зеркале собственное лицо, вообще мало обращал внимания на чужую внешность. Он искренне считал себя человеком глубоким, которого невозможно прельстить красивой оберткой. На самом же деле его нечувствительность к чужой красоте объяснялась лишь тем, что планка его стандартов была

задрана невероятно высоко.

Привлекательные люди в его глазах едва дотягивали до категории «похож на человека», выдающиеся красавцы удостаивались в лучшем случае оценки «сойдет», а все остальные балансировали между «лучше не смотреть» и «даже отдаленно на человека не похож».

Поскольку градация была весьма условной, у императора и возникало иллюзорное ощущение, будто он ценит внутреннее содержание, а не внешность.

Но лежащий перед ним старый древоень превосходил любые границы терпимости Освальда — смотреть на него лишнюю секунду казалось форменным насилием над собственным взором.

Командир отряда кашлянул и указал на древоень кончиком меча:

— Ваше Величество, смотрите внимательно.

С этими словами он слегка подтолкнул острием тело древоень.

В то же мгновение древоень, до этого сохранявший очертания мертвого тела, рассыпался в прах, превратившись в кучу сухих веток и гнилых листьев. Словно по заказу, откуда-то налетел порыв ветра, и останки чудовища, подобно лесной пыли, развеялись в воздухе.

— Хм... — Освальд нахмурился и, прикрыв рот кулаком, пару раз кашлянул.

По сравнению с Кевином, который годами месил грязь на полях сражений, Освальд был настоящим чистюлей. Хотя в детстве он почти не общался со старшими родственниками и рос в заброшенном поместье всеми забытый, жизнь его всё же оставалась барской. А учитывая, что его изо дня в день муштровал склонный к педантизму дворецкий Иен, Освальд при всем желании не мог вырасти неряхой.

Особенно сильно он ненавидел пыль и труху. Но как назло, начиная с песчаных призраков и заканчивая здешними деревяшками, все они повадились превращать собственные трупы в порошок — никакого уважения к окружающим.

С выражением глубокого отвращения на лице он раздраженно цыкнул и взмахнул рукой, разгоняя облако пыли:

— А это еще что такое?

Командир отряда покачал головой:

— Сам не знаю. Рядом лежал еще один, но он рассыпался прямо перед тем, как я обратился к вам.

— Дай мне меч, — с каменным лицом произнес Освальд. Забрав у командира длинный клин, он поворошил оставшиеся на земле сухие листья и ветки.

После того как труха разлетелась, оставшиеся обломки ничем не отличались от обычной палой листвы, устилающей лесную почву — они были бурыми и слегка влажными.

Бойцы Железной кавалерии Уцзинь, убирающие поле боя, повсюду сталкивались с одним и тем же: полежав какое-то время, трупы древоень от малейшего прикосновения обращались в труху.

Вскоре вся земля здесь покрылась тонким слоем опавших листьев, а прах смешался с грязью.

— Как ни странно, мне кажется, именно так это место и должно выглядеть, — не удержался от замечания Ник.

Никто не стал ни смеяться, ни спорить — у всех возникло точно такое же ощущение.

— Ну и прах у этой дряни... своеобразный... — пробормотал Дэн. Вспомнив, что совсем недавно съел половинку красного плода, который наверняка успел напитаться этой трухой, он позеленел еще сильнее.

Маленький Лев Бан с самым серьезным видом похлопал его по плечу и многозначительно произнес:

— Да ладно тебе, оно уже давно внутри тебя переварилось, так что не бери в голову.

Дэн:

— ...

«С кем поведешься, от того и наберешься», — подумал Дэн. Этот малец, отираясь возле смазливового командира, ничему полезному не научился, зато язвить горазд. Просто потрясающе, черт бы его побрал!

— Что же это за сучья такие... — негромко спросил Освальд, вернувшись под навес и глядя издали на устилающие землю сухие листья.

Кевин пожал плечами, показывая, что тоже не знает ответа. Однако, немного помолчав, всё же спросил:

— Как думаешь... кто обычно живет рядом с кладбищем?

Освальд немного подумал и ответил:

— Смотрители кладбища?

Кевин промолчал.

В отсветах свечения насекомых его красивые темные глаза отливали влажным блеском, напоминая покрытое глазурью стекло. Из-за слегка опущенного взгляда густые ресницы отбрасывали полукруглые тени на нижние веки, придавая его лицу неуловимо сложное выражение.

Освальд смерил его странным взглядом, подумав про себя: «Опять у него этот похоронный вид». Он вспомнил, как в прошлый раз сдуру задал вопрос, и этот мерзавец тут же воспользовался моментом, чтобы оставить его в дураках. На этот раз он дважды на одну удочку не попадется. Будет круглым идиотом, если снова спросит.

Но на сей раз Кевин лишь немного посмотрел на палую листву, а затем развернулся и пошел прочь, явно не собираясь продолжать разговор.

Освальд:

— ...

Во всем Королевстве Золотого Льва один только господин Фассбиндер мог позволить себе вот так просто бросить императора стоять в одиночестве...

<http://bllate.org/book/18285/1753209>